

ТВОРЧЕСТВО великого писателя-гуманиста Ф. М. Достоевского стало достоянием мирового читателя еще в прошлом веке. А за последние десятилетия его популярность за рубежом еще более возросла. По данным ЮНЕСКО, Достоевский занимает первое место в мире среди писателей-классиков по числу изданий.

Начиная с 1960 г. в США и Западной Европе вышло в свет свыше 60 монографий, посвященных его жизни и творчеству. Острота поставленных им идейных и психологических проблем до сих пор вызывает жаркие дискуссии и среди профессиональных критиков, и среди самих читателей.

«Пророческую миссию» писателя несколько преувеличивает и западный читатель, и буржуазная критика, поскольку писатель нужен ей не как выдающийся представитель русской классической литературы, а как мыслитель, чье видение мира удобно уложить в прокрустово ложе собственных философских, религиозных, этических концепций и схем. Это в первую очередь относится к современной американской литературной критике, наиболее тенденциозно освещающей творчество Достоевского. О подобных перегибах писалось и в самой американской печати. Вот мнение известного американского русиста профессора С. Карлинского: «Исследователи Достоевского используют его произведения как предлог для обсуждения его политических, философских, религиозных взглядов, словом, обсужда-

К 160-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского

Споры, далекие от истины

ют все, кроме самого литературного творчества писателя».

При этом нравственная проблематика творчества Достоевского зачастую сводится к анализу его понимания христианской религии и основанной на ней морали. А его эстетика, по мнению американских литературоведов, является всего лишь художественным выражением шкалы ценностей христианско-гуманистической философии. Рассмотрение трагического гуманизма Достоевского, социального в своей сути, лишь как предтечи экзистенциализма или интеллектуального неомистицизма объективно ведет к искажению идейной направленности и умалению художественных достоинств известных произведений писателя.

Другая крайность, в которую бросаются западные исследователи творчества Достоевского, состоит в абсолютизации формальных элементов, в отрыве произведений от их жизненной основы. Профессор русской литературы Иллинойского университета М. Фридберг указывал, что «за последние годы в литературной критике, занимающейся Достоевским, наметилась тенденция, за счет недооценки идейного содержания его творчества обращать основное внимание на формальные аспекты его прозы». К ис-

следованиям подобного рода относятся монографии Р. Белкина «Структура «Братьев Карамазовых», Р. Писа «Достоевский: анализ основных романов», Р. Пирса «Ступени шутства. Взгляд на современную литературу от Достоевского до Беккета».

Вслед за Н. Бердяевым американский профессор Дж. Паничас называет Достоевского «исследователем субъективного и символистским метафизиком». Пытаясь полностью выхолостить из творчества Достоевского социальную направленность, критик пишет, что «дегуманизация человека, которая особенно занимала Достоевского, не являлась для него одним из основных бедствий современной цивилизации. Метафизика Достоевского религиозна по своей сути и происхождения». Аналогично рассматривает идейную проблематику Достоевского другой американский профессор М. Холквист, который в заслугу писателю, как и Ницше, ставит открытие «принципиального противоречия между религией и идеологией». По мнению Холквиста, непреходящая актуальность творчества Достоевского объясняется прежде всего его стремлением разрешать конфликт «между мгновением и вечностью». Исследователь рассматривает столкновение двух вре-

менных уровней как основной формообразующий прием писателя, особенно четко проявившийся в романе «Преступление и наказание».

В работах американских литературоведов часто встречается образ старца Зосимы, одного из идеальных персонажей Достоевского. Например, профессор русской литературы университета штата Кентукки Р. Андерсен рассматривает старца Зосима и его религиозно-этическую модель мироздания в рамках создаваемой современной мифологии. «Чувственный мистицизм» Зосимы, по мнению Андерсена, указывает на пантеистический характер мировосприятия.

В образе старца Зосимы отразились противоречия мировоззрения самого Достоевского, которого явно не удовлетворяли каноны ортодоксального православия, хотя он и пытался найти в них моральную опору. Рассматриваемые подробно Р. Андерсеном идеализированные представления Зосимы о русском народе как единой гигантской семье, способной искоренить нравственное зло и установить социальную справедливость, отражают симпатии Достоевского к либеральному народничеству и восходят к славя-

нофильскому идеалу соборности, провозглашенному А. Хомяковым в 1850-е гг. Осознание идеи народности как исторического и нравственного начала определяло во многом философские и художественные поиски писателя. Андерсен, подводя читателя к проблеме народности как этической, связывает ее затем с теократическими воззрениями Достоевского, тем самым преуменьшая ее размеры и социальную значимость. У Достоевского же в «Дневнике писателя» за 1876 г. приводится его знаменательное высказывание на этот счет: «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его — теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь».

В последние годы стало модно сравнивать Достоевского и с его современниками, и с предшественниками, и с писателями последующих поколений. В монографиях, диссертациях, статьях американских исследователей выискиваются аналогии с Чосером, Диккенсом, Мелвиллом, Шиллером, Флобером, Конрадом, Грином, Камю и т. п. Привлечение все новых и новых имен ведет к тому, что появляется расплывчатость критерия, и вместо чет-

ких принципов сравнительно-исторического метода приоритет получают надуманные приемы компаративистского анализа. При этом игнорируется динамика исторического развития литературы, жанровая эволюция, происходит сужение социальной и нравственной проблематики. Критики-формалисты упускают из виду, что Достоевского отличало, как заметил Теодор Драйзер, мастерское умение изображать «страдания живых людей».

Однако некоторые современные американские исследователи творчества Достоевского, не поддаваясь модным веяниям, в своем анализе все же остаются на позициях сравнительно-исторического метода. Книга преподавателя Принстонского университета Д. Френка «Достоевский. Семена Фунта, 1821—1849», представляющая первый том задуманного в четырех томах биографического исследования, выделяется своей полемичностью по отношению к фрейдистским толкованиям творчества Достоевского.

Дж. Кейбот посвятил свою монографию «Идеология и воображение. Образ общества у Достоевского» изучению творчества Достоевского в двух аспектах: идеологическом и художественном. По мнению критика, «идеологичность Достоевского в основ-

ном была сконцентрирована в его публицистике, а в художественной прозе он начинал творить, воображая более с законами самого искусства». Отмечая определенную утопичность социальных взглядов писателя, Кейбот указывает на их типичность для русской интеллигенции середины XIX века, не разобравшейся в противоречивости развития России после отмены крепостного права. Тем не менее, полагает американский критик можно рассматривать исторический взгляд Достоевского как «серьезную и законченную концепцию русской истории, а не как мистическую историософскую систему».

И все же появление новых работ еще раз указывает на тот примечательный факт, что Достоевский стал неотъемлемой частью литературоведения. В статье «Наследие Достоевского», опубликованной к 100-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского в журнале «Сэттердей ревью», писатель назван «гигантом из гигантов» (имеется в виду, что рядом с ним творили Толстой, Тургенев, Гончаров, Некрасов). Но «никто из них не смог превзойти его способность заглянуть в глубины человеческой души».

Ю. БЕЛЯЕВ.

СОВЕТСКИЙ РАССКАЗ

30 ОКТ 1981